

КОРОЛЕВА РОМКОМА



СТЕФАНИ АРЧЕР



THE HEARTBREAK RULE



STEPHANIE ARCHER

КОРОЛЕВА РОМКОМА



СТЕФАНИ АРЧЕР

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А88

Stephanie Archer

THE HEARTBREAK RULE

Copyright © 2022 by Stephanie Archer
All rights reserved.

Публикуется по договоренности с автором
и ее литературным агентом, Triada Us Literary Agency (США),
при участии Игоря Корженевского из Агентства Александра
Корженевского (Россия).

Обложка Chloe Quinn / @_quinnasaurus

Публикуется с разрешения Chloe Friedlein
через Агентство Александра Корженевского (Россия)
участии Игоря Корженевского.

Перевод с английского *Юлии Бугровой*

Арчер, Стефани.

А88 Королева ромкома / Стефани Арчер; [перевод
с английского Ю. А. Бугрова]. — Москва : Эксмо, 2025. —
352 с.

ISBN 978-5-04-193213-8

Ни любви, ни привязанностей — таковы правила стендапера
Джеммы. Никаких разбитых сердец, тем более — никакого странного
красивого владельца театра, который постоянно оказывается ря-
дом. Нет и еще раз нет!

Вот только девушка даже представить не могла, какая нешу-
точная любовь ее ждет.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-193213-8

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Тому, которого я так и не смогла забыть.

ГЛАВА 1

ДЖЕММА

— Я сплю с берушами.

Ослепительный свет прожектора сфокусировался на мне, и сердцебиение замедлилось. Я взяла микрофон и двинулась вдоль сцены.

— У нас в Ванкувере шумно. В семь утра гремят мусоровозы, завывают машины скорой помощи, орут пьяные. Поэтому я сплю с берушами, и все тип-топ.

Глубокий вдох, чтобы сконцентрироваться и вместе с ним почувствовать привычный затхлый запах пива. На потолке расцвели пятна от протечки. Надо будет сказать Оскару.

Сердцебиение замедлилось в агонии ожидания моей очереди, и теперь мозг наконец включился. Я знала, что делать. Нормальные люди думают, что выступления — сплошной мандраж, но стоит мне выйти на сцену, и я чувствую себя как рыба в воде. Становлюсь собранной и нацеленной, как ракета, потому что я не нормальный человек. Я стендап-комик.

— Сегодня утром я проснулась, увидев потрясающий сон о том, как ем карамельку. Но текстура у нее была какой-то неправильной.

Тишина. *Идеально*. Мне нравится подпустить напряжения перед шуткой. Тогда смех бывает громче, радостнее,

теплее. Я делала это тысячу раз и проделаю еще тысячу, ведь для меня ничего нет слаще, чем слышать смех целого зала пьяных гостей.

— Оказалось, что во рту у меня — беруша.

По бару прокатились первые смешки. Это всегда действовало на меня воодушевляюще. А при первом взрыве хохота я в полной мере ощущала себя собой.

Коричневый пиджак с металлическим отливом, раздобытый Матильдой, сиял в лучах рампы. Его дополняли джинсы спокойного оттенка и белые «конверсы». Порой коллеги-комики злословили по поводу моих нарядов, однако одеваться проще, чтобы вписаться в их ряды, я не собиралась. Меньше всего на сцене мне хотелось вписываться. Публике требуется аутентичность, и, выходя на сцену, я обязана показать свое самое подлинное и прозрачное «я».

— А настоящая проблема в том, что я из года в год теряю беруши.

Зал отозвался смехом. *Вовремя.* Эту шутку я рассказывала семнадцать раз и могла бы отметить в сценарии места, где будут смеяться.

Мозг кипел от радости. Ночные бдения на сцене и часы, проведенные на кухне за написанием шуток, порой звучавшие выкрики из публики: «Лучше сиськи покажи!» — все это было оправдано.

Я выступаю не для того, чтобы потешить свое эго. Раскаты смеха — ничто не может сравниться с этим, черт возьми. Гомерический хохот, такой, что трудно дышать? Эйфория. Смех, объединяющий людей в битком набитом зале, — это лучше, чем найти купюру в кармане старой куртки. Ради этого чувства я выходила на сцену три вечера в неделю как минимум. Ради него не расставалась с маленьким черным блокнотом, куда записывала все, что

можно превратить в шутку. Я пересмотрела все комедийные программы на Netflix, побывала на сотнях выступлений и осваивала ремесло, чтобы в один прекрасный день — если буду старательной и везучей — обзавестись собственным шоу.

Я вышла из луча света и наклонилась к первому ряду, чтобы видеть зрителей.

— И куда же они подевались?

Мой вопрос был адресован одному из завсегдатаев.

— Не знаю, — смеясь, ответил тот.

— Я их проглатывала. — Раздался смех, а я нахально усмехнулась. — И, как вы все догадались, проглатывала во сне. И поэтому у меня болит живот.

Потом на сцену вышел другой комик, а я села за барную стойку. Оскар, владелец и менеджер, наливал пиво студентам, которые веселились на полную катушку, а Дэни ждала тут же с подносом. В университете мы с ней жили в одной комнате, а еще в нашей компании были Кэди и Матильда. Дэни работала в баре по вечерам, а днем корпела над докторской диссертацией по психологии.

— Пятна растут, — сказала я Оскару, указывая на потолок над маленькой сценой.

Он покачал головой.

— С чего бы вдруг? На прошлой неделе заходил сантехник.

— Растут, я не выдумываю. Что сказал сантехник?

Оскар вздохнул и посмотрел на нас с Дэни.

— Там плесень завелась, и весь гипсокартон нужно сдирать.

Мы с Дэни скисли.

— Это отстой, — сказала я.

«Индиго» был старым захудалым баром с тусклым освещением, скрипучими деревянными полами и маленькой

сценой, перед которой стояли столы и стулья. Потрепанная вывеска едва читалась, но завсегдатаи прекрасно обходились и без нее: дорогу сюда они нашли бы даже во сне. Помещение насквозь пропиталось кислой вонью пива. Короче, та еще дыра — потому что все свое внимание Оскар направлял не на здание, а на людей. Однако местечко было с прошлым — в смысле относилось к исторической застройке. Одна хорошая потасовка, и оно развалится ко всем чертям.

— И когда ты планируешь сдирать гипсокартон? — поинтересовалась я.

Оскар пожал плечами:

— Когда смогу себе это позволить, так что, пожалуй, году в 2050-м.

Хлопки и одобрительные возгласы сигнализировали, что на сцену поднялся очередной комик. Тревор был в бейсболке козырьком назад и с зеркальными солнцезащитными очками в белой оправе, нацепленными на затылок.

Я мотнула подбородком в его сторону и сказала:

— Он снова это проделал.

— Джем, — с нажимом произнес Оскар, наполняя очередной бокал.

Я вскинула руки.

— Он нарочно задерживается, чтобы выступать последним, и всем говорит, что он ведущий комик.

С четверга по субботу комики выступали в произвольном порядке, а в остальные дни недели был хэдлайнер и несколько стендаперов на разогреве.

Оскар поставил бокал и смерил меня взглядом.

— И пока мы его ждем, ты выступаешь на десять минут дольше. Все в выигрыше.

Я прикусила язык. Он говорил дело.

– Ты прав. А я свинья неблагодарная. Извини.

Оскар подмигнул мне.

– Все в порядке. Однажды у тебя появится собственное шоу на Netflix, и я рассчитываю на контрамарки. Не забывай о нас, когда прославишься.

– Никогда, – улыбнулась я.

Я была обязана ему всем.

Посетитель поднял руку, и Оскар устремился к нему, а мы с Дэни принялись смотреть выступление Тревор.

– Вчера вечером разговорился в баре с одной цыпочкой, – начал он со сцены.

Дэни поморщилась.

– Нет. Нет, Тревор, – пробормотала я себе под нос, качая головой, а Дэни рассмеялась.

– Она сказала, что придерживается веганской диеты.

– «А я такой: „Че это?“» – шепнула я Дэни.

– А я такой: «Че это?» – обратился к публике Тревор. – А она, типа, «я мяса в рот не беру», – продолжил он вслед за суфлирующей Дэни. – Но вот чего я понять не могу: потом мы пошли ко мне...

– Нет, Тревор, только не это, – пробормотала я, а Дэни прикрыла лицо ладонью.

– ...и она всю ночь не выпускала изо рта *мое* мясо!

Компания братков загоготала и захлопала. Дэни простонала, а я изобразила рвотный позыв.

– Вы отличная публика, спасибо! – сказал Тревор и, сделав ручкой, покинул сцену.

Я покачала головой.

– Почему только Оскар дает ему время?

Дэни поджала губы.

– Он говорит, что Тревор привлекает клиентов, которые много пьют. Это хорошо для бизнеса. Ты же знаешь Оскара.

Я скорчила физиономию. Оскара я и правда знала как облупленного. Он не умел отказывать.

— На прошлой неделе Тревор сказал, что если бы мужчинам и женщинам платили одинаково, то образовавшиеся излишки женщины спустили бы на средства для волос.

Дэни бросила взгляд через плечо и снова посмотрела на меня. На ее лице отразилось беспокойство.

— По-моему, у него в последнее время туго с деньгами.

— У Тревора?

— У Оскара.

— Это он тебе сказал?

Она поморщилась.

— Он спросил, смогла ли я обналичить в банке последний зарплатный чек.

Мои брови взлетели. Оскар никогда не упоминал ни о каких проблемах. Каждый вечер в баре аншлаг.

— Ты меня удивила. Похожие ощущения я испытала в старшей школе при известии о том, что моя учительница разводится.

Заметив, что посетитель уставился на ее татуировки, Дэни ровным голосом поинтересовалась:

— Вам еще налить?

— Да, пожалуйста, — смутился он.

Я фыркнула. Очарование Дэниел Лю всех сразало наповал.

Она перешла на другой конец бара приготовить напиток, а я достала блокнот, чтобы сделать заметки о сегодняшнем сете.

Парень остановился у стойки рядом со мной.

— Ты здорово выступила.

— Спасибо. — Я отреагировала быстрой дежурной улыбкой.

— Часто здесь бываешь?

Я кивнула, не отрывая глаз от страницы.

— Пару раз в неделю.

— Очень круто.

Краем глаза я заметила, как он облокотился о стойку.

— Я тут подумал, может, как-нибудь пропустим по стаканчику?

Еще одна дежурная улыбка. С улыбкой воспринимается легче.

— Не могу. Но все равно спасибо.

Он поднял руки.

— Понял. Хорошего вечера.

— И тебе.

Ко мне редко подкатывали, но время от времени это случалось, особенно когда я сидела в баре одна. Ответ «Не могу» обычно расценивался как указание на то, что я состою в отношениях, и переваривался гораздо легче, чем «Извини, не встречаюсь». Эту ошибку я совершала несколько раз. Она всегда приводила к новым вопросам.

— О как!

Я вскинула голову. Знакомый прилив адреналина разогнал кровь. *Ну, понеслось.*

Один из завсегдатаев, а по совместительству лучший друг Оскара и внучок Сатаны, сейчас сидел на противоположном конце стойки с пивом и наглой ухмылкой. И давно он там торчит? Этот тип *всегда* оказывался рядом в самый неподходящий момент. Будто получал уведомление на телефон и мчался в нужное место, как на пожар.

Откинувшись на спинку стула, он смотрел на меня — светло-русые волосы, аккуратно подстриженная борода, вязаный свитер цвета еловой хвои.

— При любом раскладе, Хренобород, твоего мнения я не спрашивала. У тебя разве нет театра, которым нужно управлять? Вот и дуй туда, крысы по тебе скачуют.

Хренобород владел независимым кинотеатром, который располагался на той же улице, что «Индиго». Но познакомились мы не там, а еще в университете: он много лет встречался с моей подругой Кэди и разбил ее мечты в погоне за собственными, после чего она ушла. История стара как мир.

Но сейчас Кэди от него избавилась, а Хренобород окопался в моем комедийном клубе.

— Еще один сбитый летчик, да? — Он сделал глоток пива. — Этот бар у тебя вроде полигона, Снежная Королева. И в моем кинотеатре нет крыс, хватит рассказывать об этом направо и налево.

Снежная Королева. Мои плечи напряглись. Ненавижу, когда он называет меня так.

Я облокотилась на стойку, глядя на него.

— Раз уж ты здесь, передай от меня сообщение Люциферу, а? Пусть организует тебе трансфер. Ничего личного, просто я тебя на дух не выношу и хочу, чтобы ты сгинул навсегда.

Я не Снежная Королева, я просто не встречаюсь. Ни любви, ни привязанностей — таковы правила. Флирт и романчики — это сколько угодно, пока у них есть срок годности. Иначе кому-нибудь будет больно. Но только не мне.

Он приподнял бровь.

— Ты даже не дала ему шанса. — Он удрученно покачал головой, но глаза насмешливо поблескивали. — Чувак ищет любовь всей своей жизни, а ты разбила ему сердце. Ох уж мне эти роковые женщины!

К щекам прилила кровь, сердцебиение ускорило, как случалось всякий раз, когда в зале обнаруживался приколист. Пикировка всегда разгоняла мне кровь. Он пытался меня достать, нащупывал мои слабые места. Я знала это, но ничего не могла с собой поделать. Оставалось только усмехнуться в ответ.